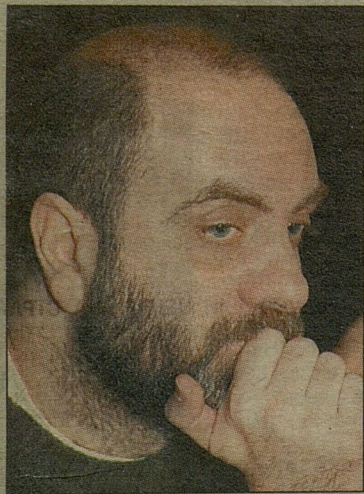

Владимир Мирзоев: Я не представляю себе Шекспира без купюр

Спектакль Театра имени Вахтангова «Лир» породил целый ряд вопросов, на которые мы попросили ответить режиссера-постановщика спектакля Владимира Мирзоева.

— Почему этот спектакль возник именно в начале нового тысячелетия? Время пришло? Если дело не во времени, то в чем?

— Видимо, когда начинается очередной большой цикл, человеку особенно интересно нырнуть поглубже в темную архаику, туда, где живут архетипы. А для нашего Отечества настоящий момент — это еще и новая страница в духовной и политической истории... «Лир» — одна из моих любимых пьес не только потому, что она лихо написана. В ней Шекспир размышляет о главном для европейца: о трагическом пути к индивидуальной свободе. Вот ведь русский человек до сих пор не может разобраться в себе. Шатает его от вседозволенности до монастырского затвора. Тут один батюшка недавно повенчал гомосексуальную пару. Значит, время пришло такое странное: самому придется решать, своим умом — что верно, а что нет. И, конечно, оплачивать личные счета.

— Для чего понадобилось уби-

рать слово «Король» из названия пьесы Шекспира?

— Мы подумали, что наш спектакль — это не история правителя, тирана, но история человека, который отрекся от престола в самом начале повествования. Его экзистенциальное приключение для нас важнее, чем политические перипетии.

— Поскольку для этой постановки были сделаны значительные купюры в тексте пьесы в переводе Пастернака, не тактичнее ли было бы написать на афише: «По мотивам пьесы...»?

— Возможно. Но я с трудом представляю себе Шекспира без купюр. Пятичасовой спектакль с двумя или даже тремя антрактами сегодня в Москве является чистой и прекрасной утопией. Кто себе это позволит в репертуарном театре, перед тем я сниму невидимую шляпу и буду долго стоять с непокрытой головой.

— Не перенасыщен ли спектакль символами, которые во многих местах заменяют «прямое действие пьесы»?

— Не знаю. Мне трудно об этом судить, потому что я говорю на том языке, который для меня естественен. Я никогда не стал бы специально усложнять способ говорения; просто для того, чтобы запутать людей или казаться интересным... Вообще же, в современном театре язык режиссера настолько индивидуален, что это напоминает поэзию, стихосложение. Прямолинейность и логическая четкость, наверное, не самые сильные черты поэзии вообще. К поэзии, как и к серьезной музыке, нужно уметь подключаться. Причем не обязательно через каналы радио.

— Сознателен ли выбор Виктора Сухорукова на роль Шута?

— Не понимаю: вы спрашиваете о рифмующихся фамилиях или о чем-то еще?.. Максим Суханов и Виктор Сухоруков — отличный актерский тандем. Насколько роли Шута и Лира зеркальны? В большой степени.

— Насколько важно режиссеру быть понятым зрителями?

— Театр, как таинственное действие, происходит только в присутствии зрителя и благодаря открытости его сознания. Поэтому, если нет диалога с залом, значит, не случилось что-то самое главное. Другое дело, что иногда взаимопонимание устанавливается не сразу, а через полгода, например. Внутренний свет спектакля иногда проявляется постепенно. Ведь спектакль живой, он дышит, меняется, созревает... Если он поставлен для зала, в котором тысяча мест, я хочу, чтобы каждый вечер к нам приходила тысяча зрителей. Помоему, соразмерность жеста и результата существенна в нашем деле.

— Какая сцена из спектакля ваша самая любимая?

— Финал. Потому что именно здесь герои совершают переход из Ветхого в Новый Завет. А ведь это и есть цель всего путешествия.

Беседовала
Галина СКОРБОГАТОВА